

УДК 94

Неформальные коммуникативные практики советской провинциальной элиты 1920-х годов

Кузнецов Игорь Владимирович, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Муромского института (филиала) Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, кандидат исторических наук

ikuz11@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема неофициальных отношений внутри провинциальной элиты, существовавших в 1920-е годы. Исследование показывает, что в это время подобные отношения, основанные на знакомствах по работе или в повседневной жизни, были распространенным явлением в советской провинции.

Ключевые слова: Советская Россия, провинциальные элиты, неформальные практики.

Политические отношения включают в себя как формальные, так и неофициальные институты и практики, которые формируют поведение политических акторов. Неофициальные практики имеют очень широкое содержание, они охватывают различные правила, связи и другие мероприятия за пределами существующих официально норм или каналов. Они, возможно, оказывают даже больше сильное влияние на политические результа-

ты, чем формальные организации. Это особенно верно для стран со слабыми демократическими традициями, таких как Россия.

Комплексное исследование подобных неформальных практик имеет большое значение для понимания мотивов политического поведения и реальных способов функционирования советской политической системы на разных уровнях.

Номенклатурная система устанавливала

UDC 94

Informal communicative practices of soviet regional elite in the 1920-es

Kuznetsov Igor' Vladimirovich, head of the department of social and humanitarian disciplines of the Murom Institute (branch) of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, candidate of sciences (history)

ikuz11@yandex.ru

Annotation: This article study the problem of unofficial relations within soviet regional elite, existed during twentieth years of XX century. The research shows that such relations, based on the system of acquaintances grown from mutual work or everyday contacts, at the 1920-es became quite common at soviet province. **Keywords:** soviet, regional elite, informal practices.

довольно жесткие правила взаимодействия в рамках региональной политической элиты, но они были не в состоянии охватить все многообразие отношений и ситуаций на региональном уровне и нередко оказывались неэффективными. Поэтому местные партийные и государственные чиновники создавали различные неформальные практики взаимодействия, которые помогали им в достижении своих целей. Такие практики были основаны на тесных рабочих или повседневных контактах, формировали устойчивые сети и играли заметную роль в процессе принятия решений на местном уровне. Они сплачивали членов

элиты и в то же время защищали их от внешнего вмешательства.

Другой причиной появления неформальных практик было стремление региональных властей избежать чрезмерного вмешательства центральных органов в местные дела. Такая практика позволяла скрывать факты, которые в глазах вышестоящих руководителей могли считаться предосудительными. Центральное руководство, конечно, понимая, что местные неформальные институты ставят под угрозу его контроль, вмешалось сравнительно редко, потому что неофициальные методы дополняли официальные правила и

играли роль «смазки» в жестком механизме власти.

Важность изучения неформальных политических сетей очевидна, но в исторической перспективе она сталкивается с определенными трудностями. Неофициальный характер таких отношений привел к тому, что они практически не отражаются в архивных источниках и, в отличие от современных исследований, не могут быть выявлены с помощью социологического опроса и наблюдения, а потому историки имеют ограниченные возможности для их изучения. Тем не менее, тщательное исследование региональных архивов может дать некоторые материалы для исследований. Микроисторический подход позволяет изучать отдельные случаи и в то же время выявлять в них характерные черты советской политической системы.

Наше исследование позволяет предположить, что разные неформальные практики в 1920-х были довольно распространенными в советской провинции. Они основались на системе знакомств, выросших из совместной работы или повседневных контактов. Такие социальные связи могут рассматриваться как наиболее стабильные и доверительные. Провинциальные коммунисты ценили их и старались поддерживать как можно дольше. В результате, советские руководители предпочитали продвигать бывших сотрудников вместо выходцев из других областей или учреждений. На местном уровне они стремились создать узкой сплоченный круг, где они могли бы доверять друг другу.

Основным средством консолидации мест-

ных неформальных групп были совместные выпивки. Партийные комитеты и правоохранные органы отмечают пьянство среди наиболее распространенных проблем местных элит. Причина была не только в болезненной зависимости от алкоголя, хотя это также имело место. Гораздо более важным было то, что совместные выпивки в социальной практике предназначались для включения избранных лиц в неформальные сети. Для новичков, особенно должностных лиц, назначаемых вышестоящими властями, такие события были тестом их готовности и способности присоединиться к местной элите и разделять ее правила и привычки. Из-за этого обстоятельства в совместных выпивках были вынуждены принимать участие даже те люди, которые не были зависимы от алкоголя. Например, в расследовании Владимирской губернской контрольной комиссии по фактам антипартийного поведения в Муромском уезде отмечалось, что судья Страдов присоединился к выпивке «хотя сам почти не пьет» [1, л. 11–16].

Можно предположить, что эта практика исходит из предыдущего жизненного опыта членов провинциальной элиты. Большинство из них были выходцами из крестьян, для которых массовые пьянки были весьма распространенной формой социального взаимодействия. Они воспринимали такое угощение как свидетельство уважения и одновременно как благодеяние, требующее обязательного ответа. Таким образом, совместные выпивки создавали систему взаимных обязательств, которые составляют основу местных нефор-

мальных сетей. Подобное поведение было характерно для доиндустриального аграрного общества, оно преобладало в российской провинции до середины XX века и успешно конкурировало с официальными нормами в сознании региональной элиты.

Связь между моделями социального поведения местной элиты и традиций крестьянской общины также проявлялась в том, что местные партийные и государственные должностные лица привлекали к участию в своих застольях и бывших влиятельных лиц, например, священников. Так, Владимирская губернская контрольная комиссия обвинила секретаря Бутылицкого волостного комитета ВКП(б) Николая Ганявина в организации пьянки с участием социально чуждых элементов. Такие случаи давали повод для вмешательства вышестоящих должностных лиц, обеспокоенных угрозой потери местной элитой пролетарского сознания. С другой стороны, даже вполне терпимое местное население стало воспринимать такую элиту как «пьяниц, способных пропить все» [1, л. 11–16].

Коммунисты широко использовали свои неформальные связи для того, чтобы получить престижную должность или другие привилегии. Наличие полезных знакомых стало необходимым ресурсом каждого местного чиновника, поэтому они использовали любую возможность, чтобы расширить свою неформальную сеть знакомств.

Неформальные сети открывали для кандидатов на руководящие должности возможности играть активную роль в процессе на-

значения, чтобы при помощи неформальных связей добиваться своих целей. Примером такой деятельности является случай с назначением директора завода Виктора Александровича Бакланова, имевший место в октябре-ноябре 1927 года.

Бакланов, как видно из его письма на имя ответственного секретаря Владимирского губернского комитета ВКП(б) И. П. Румянцева, был типичным представителем новой номенклатурной элиты, рабочим, успевшим за послереволюционное десятилетие приобрести опыт работы от редактора газеты до директора стекольного завода в разных регионах. Однако к моменту обращения в губком он в течение трех месяцев являлся безработным, так как его должность в ГСНХ была сокращена.

Бакланов хотел стать директором одного из заводов Владимирского Металлотреста, но не нашел понимания у управляющего трестом И. И. Зимины. Скорее всего, Зимин, всю жизнь проработавший на местных предприятиях, отказал Бакланову не столько из-за личных качеств или отсутствия опыта, сколько как чужому человеку, не связанному с местными производственниками.

Бакланов был вынужден отказаться от более престижного, по его собственному мнению, назначения в металлообрабатывающей промышленности и искать место на ковровском стекольном заводе «Красный маяк», для чего понадобилось сместить другого директора-выдвиженца В. А. Миллера. Однако и у Миллера нашлись покровители в лице заведующего Организационным отделом Владимирского губкома Шахрая, с которым он был

знаком по совместной работе в Коврове. На сторону Миллера встал и Ковровский уездный комитет ВКП(б), давший ему положительную характеристику и рекомендовавший оставить его в должности.

Это заставило Бакланова обратиться с письмом к секретарю губкома, в котором он постарался максимально дискредитировать конкурента, сделав упор на протекционизме и игнорировании своих заслуг перед партией, заодно сообщив о наличии в губернской РКИ жалобы на пьянство и дебоширство Миллера. Таким путем Бакланов смог добиться желанного назначения, хотя его противники приняли еще одну попытку отстоять старого директора. Решающим оказалось мнение руководства Государственного стекольного треста, с которым согласился губернский комитет партии [2, л. 146–155].

Этот случай показывает, что неофициальные связи становились важным ресурсом в борьбе за социальные преимущества. Не случайно Бакланов писал в своем письме секретарю Владимирского губкома ВКП(б) Румянцеву: «Если вы не имеете солидного протезе, то рискуете прописаться безработным месяцы, в то время как великолепно устраиваются и этим, если хотите, бравируют» [2, л. 154].

Местные руководители во Владимирской губернии использовали неформальные практики продвижения своих друзей и родственников не только для того, чтобы защитить себя от вмешательства вышестоящих органов. В 1920-х годах на этом уровне уже сформировался тип «местного босса», который чувствовал себя хозяином своей территории,

и такое продвижение было свидетельством его влияния. Расследования Владимирской губернской контрольной комиссии ВКП(б) дают немало примеров капризов местных управленцев. Одним из них был случай в Бутылицкой волости, где секретарь волкома партии Ганявин хотел назначить свою подругу председателем сельсовета, несмотря на ее сомнительную репутацию [1, л. 11–16]. Лица, продвигаемые таким образом, очевидно, чувствовали себя обязанными своему благодетелю и становились членами его клиентелы. Патрон-клиентские отношения были еще одной важной частью неформальных локальных сетей. Выдвигая своих клиентов, местные начальники создавали система поддержки и контроля в целях укрепления собственной власти. Однако произвол местных лидеров вызвал недовольство населения и тревогу вышестоящих должностных лиц. Так, Ганявину не удалось устроить свою протезе из-за сопротивления крестьян, а позже он и сам был уволен с запретом занимать руководящие должности.

Иногда формирование клиентелы могло быть напрямую связано с преступной деятельностью, когда назначение «нужных людей» позволяло организовать хищения или другие способы использования государственных ресурсов в личных целях. Например, проверка Владимирской губернской конторы кинопроката в 1926 году показала, что ответственный уполномоченный Воронцов инициировал найм четырех работников «необходимо лично ему», с которым он договорился о махинациях с арендной фильмов [3, л. 4].

Конечно, уголовные преступления, и наиболее острые проявления неправомерных действий членов региональной элиты вызвали реакцию руководящих органов. Виновные лица подвергались уголовным или партийным взысканиям. Центральное и губернское руководство стремилось не только пресечь нарушения, но и ослабить местные неформальные группы и направить против них народное недовольство. В дополнение к наказаниям, вышестоящие чиновники использовали и другие методы для того, чтобы ослабить неформальные институты: перемещение управленцев в другие регионы и усиление контроля за их деятельностью. Так, Губернский совет народного хозяйства в январе 1927 года отправил промышленным трестам инструкцию с требованием назначать руководящих работников только по согласованию с ним, как часть борьбы против протекционизма.

Тем не менее, такой бюрократический подход был неэффективен, поскольку местные элиты разработали против него неформальные практики, включавшие различные свидетельства уважения, такие как развлечення, подарки и т. п. Как правило, инспекторы снисходительно принимали их и закрывали глаза на недостатки.

Местные и вышестоящие элиты были взаимозависимы, поэтому неформальные практики разрешались в качестве награды за лояльность местных элит. Начальники вмешивались только тогда, когда эти практики заходили слишком далеко и угрожали доверию к власти.

Примечания

1. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 641.
2. ГАВО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1105.
3. ГАВО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 386.